

**НИНА
ПУШКОВА**

Эликсир
БЕССМЕРТИЯ

Нина Васильевна Пушкива

Эликсир бессмертия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65801637

*Н. В. Пушкива. Эликсир бессмертия: ООО «Издательство «Аргументы
недели»; Москва; 2021
ISBN 978-5-6046510-8-7*

Аннотация

Спецагент разведки Сергей Францев вместе с дочерью Никой спешно покидают Лондон, оставляя за собой два трупа и идущий по следам Скотленд-Ярд. В России начала 1990-х, где царят большие деньги и кровавый хаос, кажется, легко затеряться. Но это иллюзия. От Лондона до Москвы, от Давоса до Токио, от Киева до Женевы идёт жестокая схватка за бесценные якутские алмазы и гонка за тайными архивами личного врача Сталина. На кону – не только победа, на кону сама жизнь. Об этом – в захватывающем романе Нины Пушкивой, автора «Романа с Постскриптумом» и «Богини победы», переведённых в нескольких странах Европы.

Содержание

Пролог	5
Книга 1. Родина	7
Глава 1. Возвращение	7
Глава 2. Еду я на Родину	12
Глава 3. Никого не боюсь	18
Глава 4. Взорванный	24
Глава 5. Время делать бабло	30
Глава 6. Запах детства	37
Глава 7. Задача – выжить	45
Глава 8. Левиафаны не умирают	50
Глава 9. Встреча с олигархом	56
Книга 2. Бегство	61
Глава 10. Хищник	61
Глава 11. Смерть в лондонском пабе	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Нина Пушкова

Эликсир бессмертия

© Пушкова Н. В., 2021

© ООО «Издательство «Аргументы недели», 2021

* * *

*Моему мужу с признательностью за
вдохновение и поддержку*

Пролог

Борис Вересовский был очень доволен собой.

Вчера президент подписал указ о создании ОРТ – Отечественного Российского телевидения – на базе главного национального канала страны. Это давало в руки амбициозному олигарху уникальное средство для достижения его далекоидущих целей. В обмен он должен был обеспечить победу президента на предстоящих выборах.

По этому поводу в уже ставшем знаменитым особняке Вересовского на Новокузнецкой собрались те, кто решал судьбы новой России.

Звон бокалов, смех, общее возбуждение. Будущее казалось, как никогда, прекрасным.

Вересовский с улыбкой вспоминал вчерашний вечер. Он, конечно, понимал, что самому ему царём России никогда не стать. Но ему это и не было нужно. Себе он уготовил исключительно важную роль – роль «кингмэйкера», то есть «человека, который делает королей».

Охранник услужливо распахнул перед ним дверь чёрного лимузина. Олигарх нырнул в кондиционированную прохладу просторного автомобиля.

– Володя, трогай! В Кремль, – как обычно, скороговоркой распорядился Вересовский. Водитель повернул ключ зажигания, плавно выехал за ворота – и в тот же момент «Мерсе-

дес» сотряс огромной силы взрыв...

И наступила тишина. Последнее, что он услышал, был истошный, с надрывом, хриплый выкрик: «Взорвали! Бориса убили!»

Книга 1. Родина

Глава 1. Возвращение

Билеты Сергей Францев взял на ночной рейс.

Три сорок – самое сонное время.

Расчёт оказался верным: на паспортном контроле все были вялые, уставшие, равнодушные. Лишь один из этих парней – ярко-рыжий ирландец – на пару секунд задержал взгляд на Нике. Потом посмотрел на Францева, еле заметно скривился, отвернулся. Было ясно, что он подумал. Очередной новый русский с молодой любовницей, красивой блондинкой. Тратил в Лондоне украденные деньги. На девушку, которая в дочки годится. *Bloody Russians...*¹

Они спешно покидали Лондон, оставив за собой два трупа и, возможно, идущий по их следам Скотленд-Ярд². У Францева не было сомнений, что похититель его дочери был не единственным, кто узнал о бриллиантах Ники. Это означало, что надо было исчезнуть как можно скорее.

Напряжение отпустило только в самолёте, когда люк наконец задраили, лайнер качнулся, загудел, вырубивая к взлёт-

¹ Чёртовы русские... (англ.)

² Читайте роман Нины Пушкиной «Богиня победы».

ной полосе. Замер, готовясь к взлёту, потом низко взвыл. Францева вдавило в кресло. Ника уже спала, привалившись щекой к иллюминатору.

Он тоже в молодости мог заснуть где угодно и когда угодно. Появлялась свободная минутка – и он уже спит. Однажды даже заснул во время пешего перехода. Он шёл по раскалённой пустыне и спал. Не забывая, впрочем, следить за слепящим солнцем – чтобы оно всегда было справа. Потому что те, кто смотрел в прицелы, были слева, и против солнца он оставался невидимым.

Францев с силой сжал челюсти. Все эти переходы, сложнейшие операции, бомбёжки, гибель жены и многие годы на положении нелегала – чем всё закончилось? Теперь он стране не нужен.

Некогда мощная система развалена. Страну растаскивают шакалы. За что погибла Аня? Чему он принёс в жертву лучшие годы жизни? Ради каких уже отброшенных жизнью идеалов? И почему его единственная дочь воспитывалась в детдоме, а потом в неродной семье, где её не любили и откуда вышвырнули на улицу, как щенка?

Недавно один из его бывших сослуживцев даже удивился: мол, странно, что тебя, Францев, ещё не слили. Какой, к чёрту, долг? Не смейся людей!

Действительно, как не посмеяться: ему 49 лет, а жизнь приходится начинать заново.

Францев повернулся и посмотрел на спящую Нику. Толь-

ко теперь ему стало понятно, что, если бы не встреча с пропавшей двадцать лет назад дочерью, он бы уже сломался. Но сейчас у жизни появился новый смысл.

А ещё появились бриллианты. Но они остались в Брюсселе, в банке, а туда сейчас нельзя. И надо понять, как со всем этим управиться.

Ника несколько раз повторила свой рассказ о том, как у неё оказались бандитские алмазы, как она убежала от преследователей в Кисловодск, а потом за границу.

Он тогда сказал ей банальную истину: у бриллиантов, помимо блеска, есть ещё какое-то невидимое излучение. На их зов всегда приходят охотники. Но теперь им предстояло переиграть охотников. Слишком много уже было риска. Слишком много вложено сил. Но как это сделать, если у дракона, охотящегося за бриллиантами, вместо каждой отрубленной головы вырастали новые?

Перед мысленным взглядом Францева появилась низко склонённая над ресторанным столиком голова Прибалта. Словно наяву, он услышал тихое гудение голосов, позвякивание чашек, почувствовал запах кофе.

Францев тогда написал на салфетке сумму, которую был готов отдать в обмен на жизнь. Прибалт инстинктивно нагнулся, чтобы её рассмотреть. Всё это был спектакль: киллер не собирался оставлять их в живых. Выбора у Францева не было: резкое движение рукой – и через мгновение острый наконечник шариковой ручки насквозь пропорол горло на-

ёмного убийцы.

Тогда, выходя из ресторана, он понимал: это лишь передышка.

Он вспомнил затем заброшенный дом в питерском переулке, поскрипывание разбитого стекла под ногами, и потом в прицеле винтовки – сияющий огнями парадный подъезд Мариинского дворца, вереницу иномарок и огромный белый «Мерседес», из которого вылезает довольный собой Сосо. Новый хозяин жизни в светлом костюме-тройке, он гордо оглядывается по сторонам. Потом хлопок – и на белоснежной ткани сорочки, словно невиданная орхидея, медленно распускается алое пятно.

Хруст стёкол, звук шагов и собственного дыхания. Оно и тогда не сбилось...

Хозяина бриллиантов не стало. Но за ними снова пришли.

Позавчера в Лондоне показалось, что им уже не выпутаться. Шея, намертво зажатая стальными руками британца, ныла до сих пор. У этого парня были литые мышцы – явно профессионал высокого уровня, скорее всего, бывший спецназовец или ирландский террорист, работающий уже не за идею – за деньги. Францев уже прощался с жизнью: из таких объятий не вырваться. Но неожиданно тело киллера обмякло, стальные клещи разомкнулись. Он помнил свой первый судорожный вдох. Его спасла Ника. Вот уж точно – Богиня победы! Надо узнать, кто научил её так метать нож...

Францев посмотрел на дочь, и сердце его затопила нежность.

– Что же нам делать с тобой? – тихо спросил он вслух. – Как начать новую жизнь и при этом не умереть?

– Вы что-то хотели? – спросила стюардесса, наклонившись к его креслу.

Он попросил коньяка и прикрыл глаза. Шансы есть, если всё правильно продумать. В Москве остались связи, а всеобщая неразбериха, охватившая страну, может даже сыграть на руку – в этом хаосе легче затеряться. Хотя бы на время. Ну а потом, как говорится, бог не выдаст – свинья не съест.

Самолёт летел на восток, навстречу солнцу. За ним тянулась серебристая полоса, похожая на бриллиантовую пыль.

Глава 2. Еду я на Родину

В зале прилёта Францев и Ника сразу были окружены кучей «бомбил» – они и составляли основную массу встречающей публики. Громко выкрикивая «Довезу с комфортом», они зазывали перегруженных чемоданами и коробками прилетевших пассажиров.

– Сэр, леди, вон такси, хэлп? – услужливо обратился к ним коротышка с близко посаженными бегающими глазками. «За иностранцев нас принял», – подумал Францев.

– Сколько возьмёшь до «Юго-Западной»?

– Русские?! – удивился таксист. – А выглядите как фирмачи! Недорого возьму, внакладе не останетесь. Позвольте, сударыня. – Он уже ухватил чемодан Ники и потянулся к чемодану отца.

– Папа, мы на нём едем? – позвала Ника Сергея. Она никак не могла привыкнуть, что в её жизнь волшебным образом вошёл сильный, уверенный в себе, надёжный мужчина. Этот мужчина не просто назвал её дочерью и предъявил фотографию родной матери и её самой в двухлетнем возрасте – он заботился о ней, берёг её как настоящий отец. Ника постоянно это ощущала. И вот сейчас, после стольких потрясений, они вместе вернулись в Москву, откуда Ника бежала всего лишь несколько месяцев назад.

«Бомбила» завёл мотор сильно подержанной иномарки и

уверенно вырулил со стоянки. Далее – выезд на трассу, а там и до Москвы недалеко – минут 40–50 пути, не больше. Ника с любопытством смотрела в окно, будто вернулась после многолетнего отсутствия. На самом деле её не было лишь несколько месяцев, но КАКИХ месяцев! За это время она увидела и пережила столько, сколько люди не переживают и за десятилетие! А Францев всё время поглядывал на Нику: ему было трудно привыкнуть к тому, что у него такая взрослая красавица дочь.

Казалось, нет ни малейшего повода волноваться: они прибыли на родину, где и стены должны помогать. Но они ошибались. Прибывшие из-за границы ещё не знали, что среди «бомбил», что паслись в аэропортах и на вокзалах, было немало уголовников. Нередко случалось, что клиентов грабили, отбирали все деньги и ценности, а бывало, и убивали. И трупы потом находили недалеко от дороги.

И всё же что-то насторожило Францева. Профессиональная привычка заставила его обернуться. За ними ехал старенький «жигулёнок» вишнёвого цвета. Когда «бомбила» притормаживал, то же самое делал «жигулёнок», и наоборот – как только они набирали скорость, ускорял движение. Это было подозрительно.

Подозрение превратилось в уверенность, когда иномарка внезапно свернула направо на просёлочную дорогу.

– Слушай, – Францев ухватил водителя за плечо, – Москва в другой стороне!

– Да у меня колесо... Спускает колесо, надо подкачать! Заедем на шиномонтаж на пять минут – и дальше отправимся!

Францев вновь обернулся – «жигулёнок» свернул за ними и уже был совсем рядом. Стало окончательно ясно: оба водителя заодно.

– Так, давай тормози! – скомандовал Францев. «Бомбила», как ни странно, затормозил и сразу вышел из машины. Но Сергею выйти не удалось: едва он тронул дверную ручку, как та сразу же отвалилась!

Тем временем из остановившегося «жигулёнка» вылезли два амбала в кожаных крутках и лыжных шапочках. Один из них начал открывать дверь со стороны Францева.

– Ну, лохи, вылезайте. Чемоданы останутся в багажнике, а сейчас вытряхивайте бабки и прочие ценности! – Он обернулся ко второму амбалу. – Девку общупай, наверняка кольца, серьги и прочая фигня имеется!

Выражение «общупай девку» взбесило Францева. И, недолго думая, он резко ударил ногами по приоткрытой дверце. Она отбросила амбала, лишив его ориентации. Францев выпрыгнул из машины. Удар в горло и ещё один – кулаком в переносицу – отправили бандита в придорожный кювет.

Францев развернулся, но второй нападавший вытащил Нику наружу и схватил её за горло.

– Эй, мужик, без фокусов! А то сейчас твою бабу придушу

на фиг! Быстро руки на капот и бабки достал!

Лежавший в кювете получил удар такой силы, что был не в счёт. Но следовало опасаться «бомбилы», который вылез из иномарки с монтировкой в руках.

– Ты понял, нет?! – нервно прокричал тот. – Сейчас вас двоих тут закопаем, лучше сами всё отдайте!

Францев понимал: он имеет дело с обычным уголовным отребьем, эти рукопашным боем не владеют. Он запросто уложил бы обоих. Но мешала мощная рука, сжимавшая горло Ники. Францев посмотрел дочери в глаза, словно посылая сигнал: сейчас!

– Всё нормально, моя девочка... – проговорил он. – Всё будет хорошо...

Он вынул из кармана бумажник и, вытянув левую руку перед собой, двинулся к бандиту, душившему Нику.

– Вот мои деньги, я их отдаю!

Амбал слегка ослабил хватку. В этот момент Ника изо всех сил ударила каблуком по мыску правого ботинка грабителя. Удар пришёлся по косточкам пальцев ног. Мужик взвыл от боли.

– Б..., ты что, с...!!

Ника уже вырвалась из жёсткой хватки упавшего на колёно мужика. А Францев нанёс ему удар ногой в лицо такой силы, что грузное тело навзничь упало на землю.

«Бомбила» с ужасом наблюдал за этой картиной. Двое его массивных товарищей были мастерски вырублены, и не оста-

валось никаких сомнений в том, что его ждёт та же судьба. Он трусливо забормотал:

– Слышь, мужик... Да мы пошутили, ей-богу! Это так, проверочка...

Перепугавшись, он даже выбросил монтировку и поднял руки вверх, как в кино пленные немцы, всем своим видом показывая, что сдаётся.

– Значит, так... – проговорил Францев, – сейчас мы возвращаемся на трассу и ты, с. а, довозишь нас до города, причём бесплатно.

– Как это – бесплатно?! – удивился бомбила.

– Да я тебя сейчас вообще урою, гнида! – вышел из себя Францев. – Будешь рядом с тем уродом лежать!

– Нет-нет, едем бесплатно! Прошу в машину!

– А если дёрнешься, башку монтировкой разнесу, сволочь! – Францев не мог успокоиться. – Без фокусов, понял?!

– Без фокусов... без фокусов... без фокусов... – забормотал напуганный «бомбила».

Францев перевёл взгляд на дочь. Она была бледна, но что-то решительное, твёрдое проскальзывало в её глазах.

«Сильная», – подумал Францев. И вслух произнёс:

– Ника... – он с восхищением посмотрел на дочь, – как ты про этот удар каблуком вспомнила... Я же тебе только на словах объяснил.

– Не знаю... Само как-то вышло. – Ника положила голову на плечо Францеву. Впервые за много лет она почувствовала

себя защищённой. А Францев так же впервые почувствовал себя настоящим отцом. Внимательно посмотрев на её лицо, Францев достал влажную салфетку и потёр щёку Ники.

– Что там? Тушь? – спросила девушка.

– Нет, царапина, но нам особые приметы не нужны, – пошутил Францев, выбрасывая салфетку со следами крови. – До свадьбы заживёт.

– Извините, а радио можно включить? – робко спросил слегка успокоившийся «бомбила».

– Можно, – ответил Францев. И добавил: – Гнида...

В салоне зазвучала, как по заказу, только что появившаяся песня Юрия Шевчука.

«Родина. Еду я на родину,
Пусть кричат – уродина,
А она мне нравится,
Хоть и не красавица...»

«Приехали», – подумал Францев.

Глава 3. Никого не боюсь

Ника открыла глаза и поняла, что теперь эта квартира – её новый дом. Отец, по-видимому, только что ушёл. Звук закрываемой двери её и разбудил. После вчерашнего потрясения она ещё не до конца пришла в себя. Хотелось полежать, расслабиться. Перед глазами всё ещё стояла вчерашняя сцена. Она вновь ощутила, как ей было страшно, и вновь поразилась своему самообладанию, тому, как она поступила в решающий момент. Впрочем, она всегда отличалась отчаянным характером. Вспомнила, как в двенадцать лет едва не подралась с компанией подростков.

Случилось это в Кисловодске. В этом небольшом курортном городке в предгорьях Кавказа Ника часто бывала со своей приёмной мамой Леной. Они снимали комнату недалеко от центра и Нарзанной галереи. Им очень нравился этот провинциальный, но уютный городок, тенистые аллеи парка, благоухающая ароматами Долина роз и двугорбый белый силуэт Эльбруса, отчётливо выделявшийся на фоне сине-голубого неба в ясную солнечную погоду.

У хозяйки квартиры Лары была дочка. Девочки были почти одногодками. И имена у них были похожими: Ника и Нина. Дочка хозяйки стала её подругой, а в один из августовских тёмных вечеров они «породнились». На листочке из школьной тетрадки они написали, что стали кровными

сёстрами и всю жизнь будут спасать и защищать друг друга. Потом взяли лезвие «Нева» и сделали надрезы на подушечках указательных пальцев. Выдавлив кровь в крышку от аптечного пузырька, они обмакнули в него спички и поставили свои инициалы на листочке. Клятву решено было закопать под кустом душистого жасмина. Когда Нина ушла за бутылкой – в неё девочки намеревались спрятать документ на вечное хранение, – Ника от себя лично сделала приписку: «Исполнение гарантирую». Ей очень нравилась эта взрослая фраза, которую она однажды услышала в швейной мастерской. Так приёмщица завершила с кем-то свой телефонный разговор. И вот наконец Нике предоставился случай так красиво вернуть полюбившееся выражение.

Эту клятву в тот же вечер обнаружила Нинина мама – Лариса. Она увидела разворошённую под цветущим кустом землю и, решив выровнять почву, тут же наткнулась на закопанный секрет.

«Какая хорошая девчонка, хоть и москвичка», – подумала Лара. К москвичкам в провинции известно как относились. Но Лара видела, как её дочка активно развивается рядом со столичной подругой. То они в школу играют, то в театр, то в магазин, то секретничают о чём-то.

«Ну и мы здесь не пальцем деланные, тебя тоже научим полезным и нужным в жизни вещам», – решила хозяйка дома. А научить Лара Коханец могла многому: она была охотница. Иногда она вывозила девочек в лес за пределами Кис-

ловодска и учила там стрелять, а каждую субботу брала на конезавод, где сажала на лошадей.

Улица, где стоял её дом, несмотря на близость к центру, была тихая, зелёная, из отдельных домов с садами и огородами за невысокими заборами. Район этот назывался Частный сектор. Таким, в своём первоначальном виде, он и сохранился со времён царя Гороха, пока эпоха социализма не притулила к этим красивым разноцветным домикам с резными наличниками три трёхэтажные коробки. В первых двух расселились медсёстры, санитарки, официантки, поварахи, обслуживавшие многочисленные санатории. А в последнем, третьем доме жили семьи строителей, машинистов и путейцев с железной дороги – народ попроще, поглубже. Здесь часто затевались скандалы, которые из квартир быстро выплёскивались на улицу, истошно голосили женщины, крики «убивают!» раздавались чуть ли не каждый вечер. Хотя трупов не было, да и похороны случались в основном по естественным причинам.

Нике очень нравился этот район Кисловодска. И когда Лена собиралась «на воды», Ника всегда просила её остановиться у тёти Лары. Там было больше приключений, совсем не так, как в Москве. Их семья жила в элитной кирпичной высотке, где никто не только не кричал – там даже шуметь не принято было. Зелёный двор с огороженными гаражами и детским садиком. Всё это тяготило своей правильностью, предсказуемостью, узнаваемостью. Ей хотелось порыва, ура-

гана, если не настоящего, то придуманного, приключенческого, как в книжках, которых она к тому времени прочитала уже немало.

Этот её внутренний Том Сойер только и ждал, чтобы вырваться на свободу. И вот этот день настал.

– Девчонки, ну-ка бегом на огород! Морковка вся в сорняках. Вчера не прополости, позавчера – тоже!

– В огород... – В их голосах не было энтузиазма. – А мы хотели в кино.

– Кино не убежит. А морковка пропадёт, – нахмурилась тётя Лара.

Она чистила картошку, руки были грязные, косынка сбилась набок – не поправить, и была похожа на разбойника из сказки.

Ника улыбнулась, глядя на неё. И пока дочка хозяйки уговаривала мать отложить прополку до завтра, надела садовые галоши и выбежала из дома.

Через минуту Нинка присоединилась к ней.

– Быстро прополем, и айда! – сразу затараторила она. – Мамка на мороженое даст.

Девочки быстро справились с грядками. Тётка Лара, довольная своими педагогическими способностями, угостила их сладкой капустной кочерыжкой, ловко разрезав её пополам. Они схватили угощение, Нина положила в карман заветные 40 копеек на мороженое, и подружки помчались по дороге, весело болтая. И натолкнулись на целую ватагу мест-

ных, развалившихся на старом поваленном дереве. Оно упало ещё весной, да так и осталось лежать на обочине, облюбованное мальчишками для игры в войнушку, поскольку на поминало и танк, и дзот, и пулемёт, и штаб – всё сразу.

Это были подростки из тех самых «подозрительных» домов, которые надлежало обходить стороной. Обычно девочки так и делали. Но не на сей раз.

– Эй, малышня! Куда идём? – нехотя проговорил самый длинный парень в синей майке и дырявых кедах.

Подруги переглянулись и промолчали, но шагу не прибавили.

– Смотри-ка, они нас не слышат. Фу-ты ну-ты!

Мальчишка поменьше ростом вскочил и перегородил дорогу, держа за спиной руки:

– Эй ты, москвичка! Покажи руки, чистые небось? И личико.

Он наступал. Девочки остановились и сделали шаг назад.

– А ты – местная. Должна быть погрязнее, – с этими словами он бросил ком грязи прямо в лицо Нине. А после подбежал, схватил её за руку и размазал глину по лицу. Девочка вырвалась и ударила его кулаком по плечу. По дороге разлетелись монетки из кармана. Тут подскочили остальные, схватили упирающуюся Нинку и потащили к бревну.

– Раздевайся, сейчас помоем тебя!

Ника, когда это услышала, пришла в ярость. Ведь накануне, перед сном, они делились друг с дружкой новой тайной.

– Смотри, – сказала Ника, надевая пижаму, – у меня грудь растёт! Правда, одна только пока.

И она показала маленькую, похожую на крохотную фасолинку припухлость.

– И у меня, и у меня тоже начала расти, – обрадованно подхватила Нина.

И вот теперь кто-то собирается её раздеть, увидеть сокровенное! Не медля ни секунды, Ника схватила самый большой камень с обочины дороги и ринулась на обидчиков.

– Всех убью, – дико закричала она и бросила тяжеленный камень в гущу врагов, а потом стала кидать в них булыжники один за другим. Её гнев был столь силён и выглядела она настолько отчаянной, что мальчишки с криками «Полундра! Она дура сумасшедшая!» поспешно ретировались. А самому длинному ещё и досталось камнем по спине, когда он убежал.

Нинка, зарёванная, стояла рядом. Но она была жива и невредима, в кусты её не затащили, не раздели, как обещали, не опозорили. И Ника впервые в жизни почувствовала себя победительницей. Она поняла, что никого не боится.

Глава 4. Взорванный

После взрыва Вересовский оказался в больнице. Но он ещё легко отделался. Всю мощь взрывного устройства принял на себя водитель Володя – его разнесло на куски. Кто – бог ли, чёрт ли – нашептал Вересовскому на ухо: сядь с правой стороны? Обычно он садился слева, за водительским сиденьем, но в этот раз – по непонятной причине – изменил привычке, потому и спасся. Казалось бы, радуйся счастливой случайности, раз остался жив! Но Вересовский почему-то не радовался. Картина взрыва и смерти Володи не отпускала, мешала спать да и просто спокойно жить.

Память сохранила событие фрагментами, которые постоянно прокручивались в мозгу. Вот он выходит из офиса, ему открывают дверь, и он усаживается в свой «Мерседес». Охранник, вышедший вместе с ним, садится рядом с водителем. Володя включает зажигание, плавно трогается с места, они выезжают из ворот, медленно проезжают мимо «Опель», припаркованного рядом с Домом приёмов МотоВАЗа. Оперативник потом сказал: «Там стоял «Опель» с заложенной взрывчаткой». Вересовский же в тот момент никакого внимания на автомобиль не обратил. И вдруг – вспышка! И мощный удар! «Мерседес» слегка подбрасывает в воздух, размолотое в мелкое крошево стекло впивается в лицо... Обдаёт жаром. Это особенно запомнилось – жаркая, обжи-

гающая волна, прошедшая по лицу и рукам. Вересовский инстинктивно закрыл лицо ладонями. Когда же опустил их, увидел жуткую, нечеловеческую картину.

Охранник, весь в крови, дёргался и хрипел в кресле. А Володя... Его тело всё так же оставалось на водительском сиденье, но голова отсутствовала! Вместо неё Вересовский с ужасом увидел кровавое месиво и, кажется, нижнюю челюсть – единственное, что уцелело. Борису Семёновичу тут же захотелось опять закрыть лицо, чтобы не видеть этого кошмара. Но лицо горело, и ладони тоже горели. Видимо, он получил сильный ожог. Ему то ли показалось, то ли и впрямь на ладонях была кровь – и эта кровь, подумалось, Володи! Вересовский начал лихорадочно вытирать её о брюки, о рубашку... И тут кто-то рывком раскрыл дверцу «Мерседеса».

Потом всё было как в тумане. Подбежали какие-то люди, начали вытаскивать его из машины, а он всё время оглядывался и тупо спрашивал: «Где голова?! Я не понимаю: где его голова?!» Вокруг мелькали испуганные бледные лица, редела сирена «Скорой», его запихивали внутрь, а перед глазами всё стояло страшное зрелище...

Когда в больницу приехали оперативники со специалистом-взрывотехником, тот ничего толком не мог объяснить. Пробормотал что-то типа: «Вас, Борис Семёнович, наверное, Бог спас!» После чего Вересовский подумал, что со специалистами стало совсем туго: все стали специалистами в том, как деньги брать, а толком ничего не знают. Поэтому в

империи, которую он хотел построить, вопросы безопасности нужно доверять исключительно профессионалам.

Поначалу он не мог смотреть на себя в зеркало: лицо обожжено, правый глаз заплыл и не открывается, губы запеклись, потрескались. Непрезентабельная физиономия; а ещё кисти рук, тоже обожжённые, перемотаны бинтами и всё время болят! Но внутри было всё в порядке, никаких серьёзных травм не обнаружили, так что вскоре он потребовал его выписать. Врачи, понятно, возражали. Он же, как человек действия, сразу угадывал их надуманные предлоги, под которыми его пытались задержать в больнице.

Постепенно жуткое видение отпускало. Не тот был человек Вересовский, чтобы долго пребывать в депрессии даже после покушения. Да, ему повезло. И теперь можно с полным правом сказать: он второй раз родился. Для какой жизни он родился? Борис Семёнович отвечал себе так: для такой жизни, где не будет места жалости, не будет сантиментов, а будет – месть! Взрыв наверняка устроили его соперники, и они за это поплатятся! Он обязательно вычислит и исполнителей, и заказчиков, и месть его будет жестокой!

Понятно, что с такими мыслями лежать на больничной койке было невозможно. Хотелось тут же вскочить и отправиться претворять планы мести в жизнь.

– Послушайте, у меня же ничего серьёзного нет! – говорил он врачам каждое утро во время обхода. Лечащий врач многозначительно хмурил брови и произносил, как ему ка-

залось, магическую фразу:

– А вот это, Борис Семёнович, мы лучше узнаем после КТ. Вересовский взвивался:

– Это уже третье исследование за неделю, вы что, с ума сошли? Я вам не мальчик, а ваше КТ – это бесплатное приглашение на экскурсию в Чернобыль. Выписывайте меня немедленно!

В этот момент в палату робко заглянула дежурная медсестра и сообщила, что подъехала мать господина Вересовского.

– Ну вот видите, ваша матушка приехала, – миролюбиво произнёс лечащий врач, так и не найдя доводов после слов Вересовского о вреде компьютерной томографии.

Он быстро ретировался из палаты, пропуская вошедшую пожилую дородную женщину. Они остались вдвоём.

Сара Львовна была очень набожная, она жила по устроению: посещала синагогу, по четвергам отправлялась в микву, зажигала пятничные свечи и страшно сокрушалась, что её непутёвый сын, на которого свалилось несметное богатство, совсем не боялся Бога.

Особенно её беспокоили бесконечные любовные похождения сына. Его брак трещал по швам, держался он только на её запрете разводиться. Когда сын приезжал к ней с огромными коробками подарков на квартиру, то каждый его визит не обходился без её лекции на тему, что мир приближается к своему концу. И, как правило, причиной этого движения к

коллапсу были еврейские мужчины.

– Вот смотри, Боренька, – начинала она, – что такое всегда была еврейская семья: муж всегда всё тащил в дом, еврейские дети никогда не росли без отца. Для еврея жена – мать его детей – была всегда самой главной женщиной. Да, я знаю, ты не хочешь это слушать и слишком неприлично демонстрируешь это. Но запомни одно: пока я жива, развода ты не получишь! Я вам не позволю развестись и оставить детей без постоянного присутствия отца.

Но в это утро Сара Львовна, глядя на сына измученным от тревоги взглядом, неожиданно для него и для себя сказала:

– Боренька, ты жив – это самое главное. Хочешь заново жениться – женись, я тебе всё разрешаю, пусть это будет моим материнским грехом, за который я сама буду отвечать перед Богом.

Когда мать ушла, Борис Семёнович нажал тревожную кнопку, и в палате тотчас же появился лечащий врач. Борис Семёнович сказал ему тоном, не допускающим никаких возражений:

– Доктор, если мне сейчас же не принесут мою одежду, я уеду в вашей. Я абсолютно здоров, меня ждут дела, а как утешительный приз вы вместо меня получите четыре реанимационные постели – шедевры мировой медицины.

«Кто? Кто заказал? Кто устроил взрыв?» – эта мысль будила Бориса среди ночи, вводила в ступор днём. Кто-то его пытался убедить, что сделал это его извечный соперник Бу-

синский, другие настаивали на том, что это дело рук группировки, пытавшейся захватить МотоВАЗ.

С выводом Вересовский не торопился. Его холодный мозг математика перебирал все варианты, собирал информацию, которая позволила бы сделать единственно верный вывод. Наконец имя заказчика открылось: им оказался известный криминальный авторитет по кличке Сахалинец, который не мог простить олигарху, что тот вывел все свои деньги из его банка, а заодно прихватил и нефтеперерабатывающий завод в Туапсе. Но Сахалинец просчитался, а Вересовский – нет. Ровно через три месяца после покушения на Новокузнецкой «Мерседес-Бенц-600», в котором криминальный авторитет направлялся в аэропорт, взлетел на воздух.

Глава 5. Время делать бабло

– О, Сергей Николаевич, какими судьбами? – Камиль радостно раскинул руки для объятий. – А я уже подумал, не вернётесь вы в наши края. С другой стороны, квартира пустует, денег не приносит: ни вас, ни жильцов...

– Привет, Камиль. Коммерсант из меня точно неважный. А сам-то чем занимаешься, кроме ремонта?

Францеву уже успели пожаловаться соседи с лестничной клетки, что Камиль с неуёмной энергией скупает в их доме квартиры во всех подъездах, перестраивает их и сдаёт.

– Я, Сергей Николаевич, – Камиль важно вскинул голову, – я бизнесом занимаюсь.

– Лендлордом заделался? – поинтересовался Сергей.

– Чего? – не понял Камиль.

– Ну, недвижимостью торгуешь.

– Не, это не основная статья дохода. Больше всего денег сейчас даёт торговля. А вы не хотите ко мне подняться? Там и покалякаем. А заодно и квартиру мою зацените.

Сергей чувствовал, что больше всего Камиль хочет квартирой похвастаться. И он решил своими глазами взглянуть на новорусский шедевр. Тем более что одна из соседок, по образованию инженер-строитель, на днях жаловалась Францеву, встретив его в магазине: «Представляете, Сергей Николаевич! Он не только все СНИПы нарушает, он же ещё несую-

щие стены сносит! Говорят, джакузи, каминны устанавливают. Мы же теперь и летом, и зимой задыхаемся. Он всю вентиляцию разрушил, балконы объединил в лоджии. Это всё рухнет. Сложится всё, как карточный домик. Не рассчитаны наши дома на серьёзные нагрузки. Он нас всех погубит. И ведь никакого над ним контроля, никакого сладу. Никого к себе не пускает, а проверяющих подкупает!»

Вот Францев и решил воспользоваться случаем – взглянуть своими глазами на фантазии Камильки.

– Никого не пускаю в свою крепость! – отпирая дверь, сказал сосед. – Только вы, как западный человек, способны без зависти на всё посмотреть. Вот они, плоды трудов, – Камиль сделал рукой широкий приглашающий жест.

«Плоды» начинались прямо с лестничной клетки. Её стены все были расписаны и превращены в «райский сад». Эти художества очень нелепо смотрелись в вытянутой кишке, которая раньше была общим коридором для четырёх квартир блочного дома времён позднего Брежнева.

В каждом углу помещения были размещены в высоких вагонах юкки и пальмы.

– Экзоты, – с удовольствием произнёс Камиль заграничное слово и открыл дверь, ведущую в квартиру. Собственно, после перепланировки она перестала быть квартирой в привычном понимании этого слова.

– Апартаэмо! – торжественно объявил Камиль. – Милости просим!

Францев обомлел. Всё помещение прихожей было выкрашено золотой краской, а посередине стояла широкая золотая колонна.

– Ёшкин кот, да у тебя здесь музей...

– Не-а, это ещё не музей! Вы проходите, Сергей Николаевич, – увлекал гостя за собой безмерно довольный хозяин.

Осторожно ступая по сверкающим мраморным плитам, Сергей остановился как вкопанный перед водной гладью.

– Не ожидали?! – расхохотался Камиль.

– Это что же? Бассейн?! В блочном доме?!

– Ну бассейн – не бассейн, а освежиться после работы можно. Как в большущей ванной. Здесь почти полметра глубины.

– А сколько же ты от межэтажных перекрытий оставил? Ты же нас всех затопишь.

– Да что вы, здесь гидроизола столько, как в настоящем бассейне... Мне самый дорогой дизайнер всё проектировал. Столько денег содрал, мама не горюй. Зойка сказала, что у них в Швейцарии за ремонт намного меньше платят.

– А что, жена твоя в Швейцарию перебралась?

– Да, жена, тёща и сын в Монтрё, слышали, небось? Там их пристроил. А я здесь вроде как на охоте... на деньги охочусь, – довольно ухмыльнулся он. – Больше же нигде так не срубишь. Они там с бабульками нелегко расстаются. Это здесь край непуганых идиотов. Я за их счёт уже свой хромосом до седьмого колена обеспечил безбедной жизнью.

Францеву было неприятно неприкрытое самодовольство Камиля.

– И что же приносит наибольший доход, если это не коммерческая тайна?

– Какая тут тайна?! Жратва, химия, шампуни. Всем кушать хоцца, одеться, помыться. Вон «шестёрочка» за углом – моя. И таких магазинов у меня уже целая сеть.

– Постой, постой! Я же там вчера отоваривался. И хочу тебе как владельцу прямо в лицо сказать: твой швейцарский шоколад, который я там купил, вовсе не швейцарский, я его вкус хорошо знаю. И шампунь – не немецкий.

– Да, конечно, не швейцарский, дай бог – польский, и шампунь никакой не немецкий – ваша правда. Мы же у них только тару закупаем. А так льём что придётся.

– Так тебя же, голубчик, иностранные фирмы по судам затаскают и без штанов оставят за компрометацию деловой репутации!

– Ой, не могу, – по-бабски заголосил Камиль. – Сергей Николаевич, какая репутация, чья репутация? Здесь и слово-то такое исчезло в наш прогрессивный век. А до суда дело не дойдёт. У нас договор только на тару. А остальное – это наш бизнес! И наше ноу-хау, – произнёс он новое для себя слово. – Льём в их бутылки что захотим, а они на это подписались.

– Во молодцы! Настоящие бизнесмены!

«Настоящий бизнесмен» иронию не почувствовал и из-

рёк:

– А то! Иначе миллионы не сделаешь, а Камиль не побрезгует поклониться и даже копеечку поднять.

– А как же духи, крема, «Шанель», косметика?

– О, тут своя закавыка. Тут мы идём другим путём, – Камиль разливал чай по цветастым чашкам, усадив Францева за огромный обеденный стол, окружённый бежевыми стульями с резными спинками. – Мы как поступаем? Едем за границу и оптом скупаем у них всё, что не распродалось и идёт у них на утилизацию. Им выгодно – за утилизацию платить не надо, нам выгодно – три цены возьмём за несвежий, но западный товар.

– Понятно. За осетрину «второй свежести» помнишь, что Воланд с буфетчиком сделал?

– Извините, Сергей Николаевич, не врубаюсь, какой Воланд?

– Ладно, проехали. Ну а детское питание – с ним как? Собачью еду засовываете?

– Ну уж скажете... мы же не звери какие. Мои товароведы только срок затирают, если что не продалось, и новый клеят. И в первый ряд на полках, чтобы быстрее расхватали.

– Да, бизнес... Просветил ты меня, – сказал Францев. – Жульничество на жульничестве.

– А чё? Нас же никто не ловит. ОБХСС теперь нет. А чем мы хуже других, тех, кто наверху?! Вы бы мне про за границу, налоги, виды на жительство рассказали. Я ж не вечно здесь

впахивать буду.

– Не помощник я тебе. Тебе хитрые схемы нужны, а я только по закону знаю. Да и законы во всех странах разные. «Истина конкретна», как учили марксисты, – пошутил Францев.

Но Камиль был настроен на серьёзный разговор:

– Доучились! Марксисты хреновы, всех их попёрли. И назад дороги нет! Мы на Ельцина молимся. Это же надо, как он всех раком поставил! Всех – и наших, и ваших. Костлявая рука рынка теперь всё расставит по своим местам, как учит Гайдар. Она теперь – закон! Это по-нашему. Наше время пришло. Бабки надо делать, бабки. Хотя многие – и вроде неглупые люди – до конца этого не понимают.

– На меня, что ли, намекаешь? – мрачно поинтересовался Францев.

– Боже упаси! – Камиль молитвенно прижал сомкнутые ладони к груди. – Как можно? Вы и за границей подолгу жили, и дипломат.

Камиль считал Францева дипломатом, потому что в доме, где много лет назад молодой офицер Сергей Францев с женой получили квартиру, в справке домоуправления было написано: «Место работы – МИД».

– Вы же с опытом заграничным, – продолжал разглагольствовать Камиль. – Сами знаете, чем жизнь у нас от жизни за бугром отличается. Нет, я не о вас говорю. Я тут разговорился со своим приятелем – соплеменником, можно сказать.

Он журналистом работает. Прибежит после работы под ночь в магазин, салаты готовые и сосиски покупает да всё время деньги считает: хватит – не хватит. Я его всё к себе работать зову. Помощником. Спрашиваю: Рамиль, тебе сколько в газете платят? Я буду платить в три раза больше. А он, представляете, отказывается! Не могу, говорит, в торговлю идти. Я всегда журналистом мечтал быть, на журналиста учился! Да мало ли кто на кого учился. Молотить надо. А он опять за своё: «Мама мной гордится. В Уфе живёт, всем рассказывает и статьи мои показывает!» Тёмный человек, скажу я вам, провинциал, жизни не понимает. Так и будет впахивать и копейки всё время считать, – заключил Камиль.

Францеву было неприятно слышать разглагольствования бывшего мойщика машин. Вступать в дискуссию он не хотел. Просто сказал спасибо за чай, попрощался и вышел. Ожидая лифта, он понял, что этому закону он подчиниться не сможет. Но и уступать новым хозяевам жизни он не собирался. Его, пожалуй, самым безжалостным выводом стало то, что новые хозяева жизни затопчут бедных и честных. Произойдёт естественный отбор. Как в мире животных.

Глава 6. Запах детства

Францев был занят поиском работы. Он встречался с бывшими сослуживцами, друзьями по институту, которых давно не видел. И у него складывалась довольно пёстрая и печальная картина российской реальности.

А Ника, вернувшись в Москву, как могла старалась превратить холостяцкую берлогу Францева в уютный семейный очаг. Ей очень хотелось быть полезной отцу. Она провожала его по утрам, приготовив завтрак. Вечером встречала горячим ужином и внимательно слушала его скудные впечатления о московской жизни.

В то утро она вышла из квартиры и купила в супермаркете рядом с домом несколько цветочных горшков. Затем накопила земли в соседнем лесочке, которым гордился каждый житель Юго-Запада Москвы. Она решила устроить на широком подоконнике кухни настоящий зеленый рай – тем более что надвигались долгие зимние месяцы. Для своего домашнего сада она закупила самые некапризные растения: традесканцию, аспарагус и цветущий бальзамин, прозванный в народе «огонёк». А когда возвращалась из магазина, то заметила у мусорных контейнеров выброшенную огромную лиану – монстеру. Горшок был расколот, некоторые ветви обломаны... Приставленная к мусорнику, она почему-то напомнила девушке её собственную неприкаянную жизнь, которую

Нике пришлось вести ещё совсем недавно. Она даже заговорила с цветком:

– Ну что, выставили тебя из дома? Замёрзнешь ведь. Ну ладно, не бойся. Сейчас я тебя заберу. Не пропадёшь, – успокаивала она огромное растение, у которого на месте сломанных ветвей появились капельки сока, похожего на слёзы.

Но как она это всё унесёт – и горшки с цветами, и разлапистую монстеру?

Вдруг она услышала, как за её спиной из соседнего подъезда, громко переговариваясь, вышла группа подростков. И один из них громко сказал:

– Тётя, а тётя, не надрывайтесь! Мы поможем.

Сначала Ника даже не обернулась, настолько была уверена, что обращаются не к ней. И только когда её окружили мальчишки, пристраиваясь, чтобы половчее ухватить огромную лиану, она поняла, что для этих ребят она уже почти тётя. Это открытие привело её в большое изумление.

– Какая это тебе тётя? – поправил мальчишку подросток постарше, лет двенадцати.

– А кто же, дядя? – не смутился шкет, и вся компания вместе с Никой весело расхохотались.

Как муравьи, окружив монстеру, придерживая её кто с боков, кто снизу, ребята подняли её и понесли по ступеням. Так и внесли нового жильца в квартиру. Затем они помогли Нике поместить горшок с растением в пластиковое ведро и, довольные собой, шумно покинули квартиру.

Кухня и вправду сразу преобразилась. Длинные зеленые ветви висячих растений она закрепила по стенам, рассадила цветущий бальзамин и, отступив в центр кухни, удовлетворённо – как Бог в седьмой день творения мира – подумала: «Это хорошо!»

«Вот здесь мой папа и будет восстанавливаться после тяжёлых рабочих будней, – думала Ника. – Здесь у него будет реабилитационный центр, а по-простому – домашний рай».

Но пока в «раю» было довольно грязно: рассыпанная земля, следы от мальчишеских кроссовок, обрывки листьев. Ника подошла к шкафу, взяла там щётку и старый, поблёскивающий синим боком пылесос «Чайка». Она решила сделать генеральную уборку. Почистила ковёр в гостиной, сняла все занавески, вытряхнула их с балкона и принялась за помутневшие зеркала. Протёрла подоконники, комод, письменный стол... И взялась за самое сложное – запылённые баррикады книжного шкафа. Как их разбирать, было не очень понятно. Собрания сочинений, художественные альбомы, тонкие бумажные книжицы занимали каждую полку от края до края. А на нижней полке, рядом с подборками старых журналов, разместилась большая картонная коробка. Ника решила начать с неё.

Девушка потянула коробку на себя, но та поддавалась с трудом – похоже, она была заполнена доверху. Открыв её, Ника обомлела. На неё вдруг пахнуло знакомым запахом. Она и раньше замечала, что ей нравился едва уловимый запах,

идуший от этого шкафа. Теперь она нашла, откуда он шёл: коробка была заполнена письмами, пересыпанными засохшими цветочками, пучками какой-то душистой травы, лепестками, крошечными лавандовыми мешочками... И Ника вдруг осознала: это был запах её родной мамы! Она вспомнила, что читала про импринтинг. Первый контакт младенца происходит с матерью: с её кожей, грудью, руками, волосами. Мама – и источник жизни, и целый мир ощущений, новых для малыша.

Ника поймала себя на мысли: «Так пахла моя мама, я это точно помню».

Здесь, в этой переполненной коробке, хранилась вся её прожитая в письмах жизнь с отцом.

Всё это было написано двумя людьми, находящимися в разлуке. Один почерк – быстрый, стремительный, острый. Второй – круглый, словно бисер. Ника поколебалась и вытянула из коробки первое попавшееся письмо. Она взглянула на дату и поняла, что этому письму почти четверть века!..

Милый, любимый...

Сегодня, 20 августа, в день твоего рождения, получила твоё письмо... И мне стало невероятно грустно, потому что я вспомнила, что ни один твой день рождения мы почти так и не праздновали вместе. А ведь это большой-большой праздник. Даже главнее, чем Новый год! Когда ты приедешь, первое, что мы сделаем, – это по-настоящему, по-главному, отпразднуем твой день рождения. Если бы этого дня не

было в моей жизни, я бы не была ни одного дня счастлива. Знай это и готовься к большому празднику. И вообще, твой приезд, твоё возвращение – я постоянно думаю об этом... Я жду большого и долгого счастья. С твоим приездом. Я очень жду тебя. Я так люблю тебя, что у меня даже побаливает сердце. Возвращайся, милый, возвращайся скорее. Ждёшь ли ты встречи со мной, с нами?!

Дочка стала вести себя приличнее. Только от неё стало невозможно улизнуть. Она всюду ходит за мною, как хвост. Открывает дверь и идёт. Бесшумно, чтобы заранее не вернули. По дороге на кухню она обязательно что-нибудь найдёт и слопает, если будет идти без присмотра. Однажды незаметно слопала пуговицу от ботинка. Когда она это сделала – я не видела, обнаружила предмет только в горшке.

«Мама» она пока не говорит. Я ей постоянно показываю твою фотографию – она улыбается и утверждает, что ты «тата».

По-прежнему её приводят в восторг собачки, кошки, птички. И очень любит купание. Сидит в ванне самостоятельно. Я выходила переливать кашу, а потом подсмотрела за ней. Бормочет наша дочка что-то довольное и по воде лапкой – шлёп, шлёп. Физически очень развитой ребенок. Пошла в 9,5 месяца сама и вообще резвая девчушка, но до сих пор путает лампу и радио. Лампу называет «ампа», но может так назвать и радио. Откликается на все имена: Коля, Вася, Таня. Обидно просто. Вот такая дочь.

К нам в город пришло бабье лето. Очень тепло, словно и пахнет осенью. Здесь замечательный запах у осени: запах жжёных листьев, прохладного солнца, отдающего своё последнее тепло, и запах чистой воды из фонтанов. Всё это мне напоминает тебя. И мне хочется побыстрее быть лёгкой, стройной, любить тебя, отдаваться тебе. Быть счастливой с тобой...

Ника провела пальцем по буквам, повторяя их плавное движение по бумаге. Она сразу поняла, чьё это письмо. Мама. Ника чувствовала, будто только что познакомилась с ней: нежной, любящей, тоскующей. Она узнавала себя в этих словах и не узнавала одновременно. Сердце колотилось, как птица в клетке. Ника почти ничего не видела от наворачнувшихся слёз. Это были слёзы тоски по погибшей маме, которую она не помнила. И о которой рассказывал отец. Прерывисто дыша, она потянулась за следующим письмом.

...Ну вот, я только что говорил с тобой! Я тебя так люблю, что у меня ещё руки трясутся и сердце стучит как ненормальное. Счастье моё, милая, милая, милая!!!

А это – письмо отца.

Счастье моё, наш разговор по телефону, как всегда, был очень сумбурным. Кажется – надо говорить самое главное, а несёшь что-то несущественное, второстепенное. Хотя главное я тебе, конечно, сказал – я люблю тебя! И очень сильно, и буду очень ждать твоих писем. Опиши мне всё-всё: как ты себя чувствуешь, что делаешь, с кем встречаешься,

кого видишь, как тебе было, когда я улетел, как сейчас – ну всё, всё.

Я очень, очень хочу знать, что ты меня любишь. Ты меня любишь? Нет, правда любишь? Скажи ещё раз, скажи, скажи, это так важно слышать, так важно знать. Ты моё величайшее начало, моё вдохновение и мой порыв, и без твоей любви мир потеряется для меня и перестанет существовать. Ты мой ангел, ангел-хранитель, будь всегда, всегда со мной... Любимая, без тебя одиночество грызёт меня, вгрызается в мою исконную устойчивость, и мне становится так ясно, что главное – это ты. А я забыл твои фото! Немедленно вышли мне несколько...

Ника отложила письмо и перевела дыхание. Она почувствовала, что ступила на запретную территорию: дальше шло что-то совсем не предназначавшееся для посторонних глаз...

Ника была так захвачена чтением, что не услышала, как в коридоре щёлкнул дверной замок. Францев вошел в прихожую, снял плащ и настороженно прислушался к звукам в глубине квартиры. Что-то было не так. Услышав ключ в замке, дочь всегда бросалась к нему с радостной улыбкой. Он сбросил обувь и прошёл в комнату. Ника подняла на него заплаканное лицо.

– Папа, прости меня, я понимаю, что это личное. Мне так стыдно, но я не удержалась. – Она глубоко вздохнула, чтобы не дрожал взволнованный голос. – Это ведь письма мамы и

твои. Прости...

Францев мягко улыбнулся:

– Ну что ты... Давай я сейчас переоденусь и пойдем чай пить.

Вид заплаканной дочери глубоко взволновал его. Они испытывали друг к другу самые нежные чувства. Но обоим было неловко их проявлять. Ей – потому что она ещё до конца не прониклась ощущением, что у неё есть родной отец. А Францеву – из-за того, что он не всегда знал, как вести себя с самостоятельной дочерью.

Ника сложила письма в коробку и задвинула её на место. От прочитанного кружилась голова. Она сама себе не могла объяснить, что её так взволновало. Францев прошёл на кухню и громко позвал:

– Ника, боже мой, да тут райские кущи выросли.

– Вот именно, – ответила ему дочь. – Я так и хотела, создать рай для тебя, для нас. Я так рада, что мои родители любили друг друга! – внезапно выпалила она. – Я и сама не знала, что для меня это так важно. Но оказывается – важно.

Её переполняло только что сделанное открытие – о великой силе любви, которая не оставила её отца и сейчас. Теперь она это понимала.

Глава 7. Задача – выжить

Постсоветская Москва бурлила, испуская миазмы: запах пирожков, шашлыков, гниющего тут же, рядом, мусора. Всё это перемешивалось с запахом плохого бензина. Грузовички заезжали на тротуары, что-то выгружали, что-то загружали, между ларьков и павильонов сновали какие-то подозрительные личности. Высокий мужик в чёрной кепке, внимательно оглядев Францева, подошёл к нему и тихо спросил:

– Оружие нужно?

Любопытство взяло верх – Сергей решил взглянуть, чем торгуют. Мужик, оглядевшись, завёл его в узкий проход между киосками и вытащил из куртки «ПМ» в рабочем состоянии. «В неплохом состоянии», – подумал Францев.

– И часто такими торгуешь? – спросил он.

– Ты чё, мент? Нужно – бери. Нет – отвали.

Францев проверил предохранитель, вытащил обойму. Решил, что, если сойдутся по цене – возьмёт. В столице новой, демократической России ходить без оружия было явно опасно.

– Запасная есть? – спросил он.

– Соображаешь. Военный, что ли?

– Типа того, – улыбнулся Францев. – Сколько?

По цене сошлись. И от метро Францев уходил, ощущая привычную тяжесть надёжного оружия. Вдруг подумалось:

«Нику надо будет стрелять научить».

Францев приехал к старому другу Николаю в его новый офис в небольшом особняке в районе «Кропоткинской».

Выпили по чашке кофе с коньяком, вспомнили прошлое.

– Неплохо ты тут обустроился, – похвалил Францев только что отремонтированный кабинет.

– Да я ещё три месяца назад в полном дерьме был! Слава богу, обо мне друзья вспомнили. А главное – Ника твоя помогла! Без неё так и сидел бы в Кисловодске. Всю жизнь буду ей благодарен. Ну а у тебя что происходит?

– Да мне, Коля, работу найти надо. Хочу посоветоваться.

– Работу? – удивился Николай. – Зачем тебе работать? Я же историю Ники знаю. Я ей сам советовал как поступить. Люди с такими деньгами, как у вас, не работу здесь ищут, а домакупают на Лазурном Берегу.

– Да ты понимаешь, у нас их нет.

– Как нет?!

– Да камни там, в банке, но за ними же охоту устроили – ты знаешь – и до Ники добрались. Она из Брюсселя в Лондон бежала. Её и там нашли и похитили. Представляешь, я её только обрёл – и чуть не потерял. – На этих словах у Францева сжалось горло. – Спасал её, пришлось убрать двоих. Главный был профи, тугой, я чуть сам там не остался. Ника спасла – нож метнула. Где она научилась?! В общем, машину с трупами я утопил. Но – найдут быстро, если уже не нашли. Карьер там мелкий. Так что пока за камнями возвращаться

нельзя. В общем, мы с ней нищие миллионеры. – Францев горько усмехнулся.

– Понял тебя. Но такие, как мы, Серёжа, сейчас государству не нужны. Тут мне один приятель рассказывал, как он оружие в Литву возил. Думал-думал, а потом в сумку спортивную сунул, свитерами и газетами прикрыл сверху и поехал. И спокойно проехал – никому дела нет. А деньги потом обратно в пакетах целлофановых вёз. А что сделаешь? Короче, раздербанили всё. Вакатин всё слил амерам. Вон, Филипп Комков у Бусинского работает, аналитику ему готовит. Противно, конечно... Куда деваться? Мы сами с некоторыми из них по безопасности дело имеем. Могут тебя кой-кому порекомендовать.

– Но я в охранники не гожусь, – усмехнулся Францев.

– Да нет, конечно, это не для тебя – с твоим-то опытом. – Николай Иванович задумался. – Но знаешь, у них амбиции большие. На международную арену выходят. О Вересовском слышал? Владелец заводов, газет, пароходов. Давай я тебя с начальником его охраны сведу. Чем чёрт не шутит? Сам понимаешь. Они у нас сейчас государство заменили. МотоВАЗ – слышал?

– Коль, да не смогу я. Не смогу я ни на кого работать. Я на страну привык.

– Сергей, как ты не понимаешь, той страны уже нет! Ты, пока этого не поймёшь, не сможешь здесь жить. Как те иммигранты, которые в Париже под цыган и водку рыдали о

потерянной России и всё надеялись на гибель большевиков. Может быть, тогда тебе уехать прямо сейчас? Ты же там как-то жил.

– Я русский человек, Коля. И я сюда вернулся. Да и смысла сидеть там не было уже.

– Ну тогда выбора нет. Надо встраиваться.

– Выбор всегда есть, – упрямо сказал Францев.

Николай Иванович, уже изрядно взволнованный, встал и начал расхаживать по комнате:

– Хочешь, я тебе скажу, как будет, когда ты обратно в структуру придёшь? Ты устроишься туда и будешь получать копейки, потом за полгода твой отдел семь раз сольют, перелюют и расформируют обратно... Ни денег, ни уважения. И будешь ты сидеть и смотреть, как всё разваливается. Или тебя завалят бумажной работой, которая – не твоё, Серёж, согласишься. В маленькой квартирке будешь жить с дочкой. Квартиры больше не дают – их покупать теперь надо. Опять деньги нужны. И немалые. Потом увидишь бывших коллег и обнаружишь, что они все – в каком-то бизнесе. И тебе всё равно придется где-то заработок искать, а это часто совсем не симпатично выглядит, как людям выкручиваться приходится. Конечно, выбор есть, Серёжа. Но в итоге ты придёшь к тому же, о чём я тебе говорю. Придёшь всё равно в ту же приёмную МотоВАЗа или другую – такую же. Только уже униженный придёшь.

– Ну не знаю, Коль...

– Да как ты не понимаешь! Сейчас выжить надо! Выжить, а не сломаться и не спиться. Чтобы никакой мерзавец над тобой не глумился, чтобы самому не застрелиться, глядя, как бандюки правят бал! Вон мне вчера сообщили: у нас парень был – спец по Афганистану, знал там всё и вся, на пуштунском говорил... Королём ходил, гоголем, всё у него схвачено было. Так умер он на днях. Никому стал не нужен, заболел, запил. И всё... Так что мой тебе совет: наступи на горло совести. Если хочешь – приказ. До лучших времён. Может, они ещё и наступят... Может, и наступят.

Францев молчал.

– Ну чего ты молчишь? – Николай Иванович смотрел на Францева с отеческим раздражением, как на нерадивого сына. – Я не помогу тебе, пока ты сам не поймёшь, что это жизнь посылает нам испытание. Если ты не выжил, то... ты – говно! – Он явно искал словечко покрепче. – Грош тебе цена, если не выстоишь.

Николай Иванович остановился у окна. Затем повернулся и продолжил с лицом, озарённым новой идеей:

– Послушай, я что подумал. Я сейчас еду на встречу с одним очень неглупым человеком – он философ, политолог, очень образованный, большая умница. Ты же у нас пока безработный, времени – полно, поехали. Посидим, поговорим, пообедаем, а заодно послушаем, что он тебе скажет.

Францеву было всё равно. Он не понимал, как ему дальше действовать, и согласился.

Глава 8. Левиафаны не умирают

Ехать было недалеко, в первый частный ресторан Москвы времён перестройки – «Кропоткинская, 36». Из-за столика в дальнем углу зала им поднялся навстречу плотный человек лет 50, с добродушным полным лицом. Большой лоб увеличивали глубокие залысины, глаза были умные, проницательные, с искорками юмора. Францеву он сразу понравился.

– Гринько, – представился человек, протягивая пухлую руку. – Вячеслав.

– Францев, Сергей.

– Вот, Вячеслав Саныч, привёл к тебе последнего агностика-романтика на территории постсоветского пространства.

– Отлично представил, – засмеялся философ. – Давайте-ка выпьем для начала, закажем что-то поесть, а потом, друзья, можно и к лирике перейти.

Мгновенно около столика нарисовался официант.

– Что будете пить? Может быть, аперитив? Виски, martini, джин?

– Единственный спиртной напиток, предназначенный для встречи друзей, – это водка. Все остальные напитки – для одиночества. Так что принесите нам водочки, будьте добры, – попросил новый знакомый.

– «Абсолют», «Финляндия»?

– А «Столичная» есть?

Официант слегка поскучнел, но водка и закуски появились на столе сразу же.

– Ну, давайте! За что пить будем? – спросил Францев. – Как думаешь, Коль?

– Я думаю, так: за идеалы, несмотря на новую жизнь! – не без сарказма сказал Николай Иванович. Мужчины резко опрокинули в себя рюмки. Философ, вытерев салфеткой рот, неожиданно прокомментировал тост:

– Увы, в политике идеалы всегда служат лишь прикрытием для захвата власти и обмана населения. Как у нас и произошло.

– И тем не менее среди нас есть ещё романтики, которые без идеалов никак не могут, – улыбнулся Николай Иванович. – Вот, к примеру, Сергей. Когда жизнь так переменилась, как вписаться новому человеку в новые порядки? А помните, как мощно шла тема: про то, что «так жить нельзя», про то, что «в нашем смехе и наших слезах – пульсация вен, мы ждём перемен»? И как партийные начальники достали всех со своими привилегиями... И что теперь?!

Философ перебил:

– Давайте ещё выпьем, и я вам расскажу одну историю. Про привилегии. Вы же помните, Николай Иванович, я ещё не так давно в ЦК писал речи и аналитику руководству. И у меня там был кабинет, в котором была небольшая коллекция очень хороших книг по тем временам. Я их там же, в ЦК, и покупал. И вот после провала ГКЧП мне позвонили и

предупредили, что к вечеру, скорее всего, демократы пойдут демонтировать Дзержинского. Я – быстрее на Старую площадь, решил хотя бы книги собрать, а то потом вообще в кабинет не пустят. Сажу в кабинете, а на улице шум, гвалт. Это митингующие уже к зданию ЦК пришли, орут внизу под окнами, руками на подъезды показывают... Ну всё, думаю: опять как при Ленине – почту, телеграф, телефон и главный бастион власти брать будут. Собрал две сумки. Решил через третий подъезд не выходить – сразу на площадь попадешь к демонстрантам. Вышел через запасной выход, в переулок. Только шагнул на улицу – и тут меня кто-то огромный и взъерошенный хват за плечо! И шипит так тихо:

– Ну, гад, знал я, знал, что кто-то из вас, паразитов, спастись через чёрный ход будет. Открывай свои сумки! Что там у тебя – деньги, сосиски, колбаса цёковская?

С ним там ещё несколько человек было, и я, конечно, испугался. Но виду не подаю и отвечаю спокойно так:

– Да ладно вам... Книги это.

А он мне:

– Чё заливаешь, какие книги? У-у, морда коммунячья!

Где золото партии?!

И молнию на сумках рвёт, открывает их, роемся, роемся.

– И правда, книги... – и трясёт сумки, трясёт. А потом, когда понял, что нет колбасы, взъярился:

– Ты что, м...к? Где кремлёвская колбаса, деньги где? Ты зачем здесь работал?! – кричит мне в лицо.

– Я учёный, доктор наук, – говорю ему. Самому уже не так страшно, вижу, он бить меня не собирается, да и остальные приуныли. Даже смешно стало: представляете, огромный мужик рогается, матерится, ищет колбасу, а там – книги!

И философ заразительно затрясся своим полным телом, смахивая с глаз навернувшиеся от смеха слезинки. Николай Иванович тоже расхохотался.

– Ну вот именно, – горячо сказал Францев, который за время рассказа самостоятельно махнул пару рюмок. – Старое рухнуло – и что теперь?! Трусы у метро продавать?! Я – военный человек, мне нужно служить своей стране, я без этого не могу! Я трусы продавать не умею!!

Николай Иванович мгновенно стал снова серьёзным.

– А ты думаешь, мы не такие? Мы что, трусы продаем? Мы государственные люди, мы Родине тоже служить умеем. Знаешь, как во время войны сотрудники музеев экспонаты берегли? Они не только потому это делали, что начальство им велело. Не было начальства у сотрудников Павловского дворца, когда немцы кругом были. Они берегли то, что стране принадлежит. И честь свою берегли. От голода умирали, но хранилище академика, генетика Вавилова, не трогали – ни одного там семечка не украли! В трудные времена много сволочи вылезает. Но ты сам говоришь, что честь тебе дороже. Поэтому её ты и должен беречь.

– А как её сберечь, если я трусы продавать должен?!

– Вы извините меня, Сергей, – Вячеслав Гринько уже не

смеялся, – но сейчас, когда в стране хаос, необходимо одно помнить: не дать нынешнему времени себя уничтожить. История – штука жестокая. Вмиг в прошлое отбросит – и тогда всё, уже и стране не поможет, и себе противны будете. Сейчас надо как в стане врага: затаиться и выжить. Для военного – вы же военный? – это особенно важно. Тогда вы и пользу снова принесёте, когда стране снова нужны будете. Таков, как учил Кант, категорический императив нынешнего времени.

– Точно, Слава, ты всё правильно сказал. Кант также учил, что надо выпить, – уверенно заявил Николай Иванович, наливая ещё по одной. – Ты, Серёга, себя должен сохранить! И свою дочь сберечь и в жизнь запустить. Она сейчас твоя Родина! А придёт время – и такие, как ты, стране понадобятся. Вот увидишь. Помнишь, нас как учили: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя!» – И с напором добавил: – Наш главный долг сейчас – перед нашими детьми, жёнами, сыновьями. Мы ради них не должны оказаться сломленными.

– А государству, стране вы, Сергей, ещё послужите. Такие, как вы, будут очень нужны, – добавил Гринько. – Только смуту нынешнюю пережить надо. Россия наша ранена, но не умерла. Даст бог, и государство восстановится. Это же Левиафан! А Левиафаны так просто не умирают.

Францев сидел и слушал. Ему стало спокойнее. Он очень долго был один и привык принимать решения, отвечая толь-

ко за себя и за своё дело. А сейчас он чувствовал, что рядом – близкие люди, и они – единомышленники, переживают о том же, о чём он не переставал думать, едва сойдя с трапа самолёта. И стараются помочь.

– Правильно, Вячеслав. Мы когда-нибудь понадобится. Когда страна начнёт подниматься. А сейчас нужно делать что можешь. И помни, Сергей, – ты не один.

Глава 9. Встреча с олигархом

Францев без труда нашёл серо-зелёный особняк, расположившийся в одном из переулков около Павелецкой площади недалеко от Садового кольца. Это здание – штаб-квартира Бориса Вересовского – становилось всё более известным среди новой политической и деловой элиты. Именно там Вересовский назначал деловые встречи. И для многих именно от этих встреч зависело, получат ли они путёвку в создававшуюся на глазах «новую жизнь».

Его ждали – охрана была предупреждена. После короткого досмотра проводили в просторный зал, где уже собрались 8–10 человек. «Вызова ожидают», – подумал Францев. Он не ошибался. Периодически из узкого коридора, который вёл в глубину особняка, появлялся высокий молодой человек, подходил к одному из сидевших и вежливо приглашал последовать за ним.

Посреди зала располагался обширный бар. Вокруг него сновали официанты, обносили приглашённых заказанными напитками. В одном из кресел около бара Францев увидел знакомое лицо. Его тоже узнали. Ему навстречу поднялся стройный смуглый мужчина с короткой причёской.

– Сколько лет, сколько зим, Серёга! – Они обнялись. – Ну как ты, рассказывай!

С Кириллом Францев был знаком ещё с Вьетнама. Но, в

отличие от него, Кирилл ненадолго задержался на оперативной работе. Перешёл в центральный аппарат КГБ, где сделал большую карьеру. В конце 80-х он уже был генералом. Францев кратко, не вдаваясь в подробности, рассказал о себе: как распад Союза застал его на задании в Европе, как первое время с ним ещё поддерживали связь, как потом обнаружил, что стал не нужен. Как ему сказали: ждать. И он ждал.

– И вот не дождался! – мрачновато пошутил он. – Видишь, сюда приехал. Ну а ты что?

– Так видишь, Серёж, я тоже сюда пришёл. У нас теперь главные решения в таких особняках принимаются. О «семи-банкирщине» слышал? Они теперь у нас Политбюро! Вот и пытаюсь встроиться в другую жизнь – на ближайших выборах в Госдуму собрался. А путь туда – через такие приёмные...

Официант принёс им бокалы. Джин с тоником для Кирилла, виски «Блэк лейбл» со льдом – для Францева.

В эту минуту из узкого коридора стремительно появился хозяин особняка – невысокий, лысеющий, немного сутулый мужчина, но очень энергичный, торопливый, словно наполненный ртутью.

– Сергей Николаевич! Ведь это вы? – громко обратился он к Францеву. – Извините за задержку. Я сейчас быстро вот этого товарища приму – и сразу вы.

«Товарищ» – сравнительно молодой, плотный, в очках

в тонкой оправе, чем-то напоминающий секретаря райкома комсомола, последовал за Вересовским.

– Это кто? – спросил Францев.

– Банк «Московский кредит». Владелец. Из бывших комсомольцев. Так сказать, комсомольская мафия. Далеко метит. Но тебя-то сам как выделил... Из всех! А тут публика не последняя.

От Кирилла Францев узнал, что приёма у Вересовского дожидались руководители двух банков, московский депутат, пара замминистров и известный тележурналист.

– А это кто? Вон тот, с длинными волосами.

– Тоже с телевидения парень: то ли ведущий, то ли продюсер. Вересовский в последнее время телевидением заинтересовался. Говорят, «новое» телевидение создать хочет. Демократическое. Принципиально другое, – засмеялся Кирилл. – А вся демократия вот в этом особняке и будет!

На этих словах банкир-комсомолец с довольным и решительным видом вышел от Вересовского. Пришла очередь Францева. Входя в кабинет, он услышал, как олигарх кому-то решительно говорил по телефону:

– Деньги были. Деньги будут. Но сейчас денег нет.

Вересовский положил трубку и повернулся к Францеву.

– Садитесь, садитесь, Сергей Николаевич. Давайте сразу к делу. Мне о вас рассказали много хорошего. Люди, которым я доверяю. Вы, наверное, слышали, меня тут пытались убить, – Вересовский нервно засмеялся, – но не вышло. Сей-

час не вышло. Это не значит, что в следующий раз не выйдет. Вы понимаете?

– Думаю, что понимаю, Борис Семёнович, – ответил Францев. – Но если речь идёт о личной охране, то здесь я специалистом себя не считаю.

– Нет, нет! Речь о другом. Вы, конечно, человек, так сказать, государственный: на государство привыкли работать и дело важное делали. Да и я, собственно, на него работал. И вполне успешно, кстати, – через лет пять стал бы директором института. И академиком, да, академиком... Но от государства теперь мало что осталось. Его создавать нужно заново, но это долго. А такие люди, как вы, с вашим опытом, пропадать не должны.

«К чему он клонит? – слушая Вересовского, спрашивал себя Францев. – Хитёр, издалека заходит».

– Так вот, – продолжал Вересовский, – мои интересы Россией не исчерпываются. Будем завоёвывать, так сказать, внешний мир. А там нравы – сами знаете. Вон Роберта Максвелла убрали – помните? От инфаркта на яхте умер и в воду упал! Ха-ха, знаем мы эти инфаркты. Тело из океана выловили... Вот здесь-то вы мне и нужны. Мне нужен советник по безопасности с хорошим знанием западного мира. Деньги не проблема. Людей подберёте сами. Доступ ко всей нужной информации у вас будет. Задача – изучать возможных партнёров и возможных врагов. Возможно, выехать куда-то придётся, выяснить кое-что. Докладывать исключительно мне.

Возьмётесь?

Францев не ожидал такого предложения. И то ли от замешательства, то ли от волнения внезапно закашлялся. Горло схватило, приступ не проходил. Вересовский тут же стал лихорадочно нажимать на большую серебристую кнопку, от чего весь кабинет и, наверное, вся приёмная заполнились густым, настойчивым звонком.

– Сейчас, сейчас, вам чего? Водички, молока? Лучше молока, тёплого, – засуетился Вересовский. – Ну где же они?! Что за люди! – Он стремительно вскочил, словно сам собирался выскочить в коридор, чтобы принести молока. В этот момент в дверях появился молодой секретарь, из-за спины которого выглядывал внушительного вида охранник и робеющий официант.

– Ну что так долго? – нервно отчитал их Вересовский. – Видите, человек кашляет... быстро-быстро молока – тёплого! – крикнул он им вдогонку.

На предложение Бориса Вересовского Францев согласился.

Книга 2. Бегство

Глава 10. Хищник

Джеймс О'Донован мрачно сидел за широким дубовым столом на верхнем этаже неприметного кирпичного особняка, спрятавшегося в одной из тихих улочек в районе Бэлсайз-Парк.

О'Донован возглавлял одно из самых секретных подразделений в системе британских спецслужб – спецотдел по борьбе с террористами из Ирландской республиканской армии, которые в 80-е годы представляли угрозу не только для высокопоставленных руководителей страны, но даже для членов королевской семьи.

О'Донован был назначен на эту должность вскоре после того, как в 1984 году помог предотвратить взрыв, целью которого были Чарльз и Диана – принц и принцесса Уэльские. До этого он, как выражаются британцы, «носил две шляпы»: был видным боевиком ИРА и одновременно работал на МИ5 – британскую службу безопасности. Свои услуги О'Донован предложил ей сам. К середине 80-х он, когда-то убеждённый сторонник террора до полной победы, то есть до полного освобождения Северной Ирландии от британской короны, разочаровался и в этой борьбе, и в своих соратниках. Череда

организованных ими убийств, жажда всё новой и новой крови казались ему бессмысленной, а главное – ненужной жестокостью. Насилие, как он смог убедиться, отнюдь не приближало поставленную задачу, а всё больше превращалось в самоцель. А это было опасно.

Несколько лет О'Донован был главным шпионом и информатором британских спецслужб внутри военного крыла ИРА, где он пользовался большим авторитетом. Однако сгубила его переданная британцам информация о грузе оружия для боевиков, находившегося на борту рыболовецкого траулера «Валхала». Об этом знали лишь несколько человек в руководстве организации. И, когда траулер был арестован ирландской службой безопасности, все подозрения пали на О'Донована. Такое с ним случилось впервые. Но этого было достаточно для провала.

Вскоре О'Донован бесследно исчез. Его кураторы из МИ5 запустили информацию, что он якобы был убит в ходе перестрелки. Это было сделано с целью сбить с толку его бывших друзей-террористов. Насколько это удалось – судить было сложно. Но с этого момента он стал опасаться за свою жизнь.

Вскоре из состояния «чужой среди своих» он перешёл в другое – «свой среди чужих». Дело в том, что, хотя Джеймс О'Донован и получил важное назначение, до конца ему новые британские коллеги доверять так и не стали. «Предал один раз – может предать и в другой!» – такова была их ло-

гика. Однако они признавали, что лучше его с поставленной задачей не справился бы никто. Спецотдел О'Донована занимался тайными операциями против боевиков ИРА, вплоть до их физического устранения без суда и следствия. Он подчинялся лично премьер-министру страны и его советнику по безопасности.

Он не мечтал о такой работе. Выполнял её без удовольствия, но выбора не было. Откажись он – и враз очутился бы один на улицах дождливого Лондона. Бывший боевик ИРА. Бывший информатор МИ5. Ему бы пришлось менять внешность, адреса, постоянно ожидать выстрела в спину. И никто бы его не защитил. Позже до него дошла информация, что его пытаются найти бывшие соратники по террору.

– Они хотят моей смерти, – сказал он тогда своей дочери. – Это их работа. Моя работа – остаться в живых.

О'Донован хорошо знал судьбу боевиков, ставших информаторами британских спецслужб. Шона Реймонда, заподозренного в предательстве, нашли задушенным в его квартире в пригороде Лондона. Томас Коннолли, долго скрывавшийся на Ближнем Востоке и в США, был застрелен около своего коттеджа в Южной Ирландии. Окажись О'Донован один на один с бывшими соратниками, его судьба была бы предопределена.

Даже здесь, во главе тайного отдела, он вёл жизнь затворника, постоянно скрывающегося от возможной угрозы. Он пересастил себе волосы, из лысеющего блондина стал шате-

ном, отрастил бороду, но всё равно боялся быть узанным. Он не ходил в театры, на скачки и в рестораны – избегал публичных появлений. Посещал лишь закрытый клуб, в котором собирались в основном высокопоставленные офицеры спецслужб и дипломаты. Отпуска старался проводить подальше от Европы – на островах в Индийском океане. Своей единственной дочери он настоятельно посоветовал покинуть Англию.

Такая жизнь неминуемо вела к крупным стрессам. Периодически О'Донован впадал в депрессию, которую с трудом скрывал от руководства и подчинённых.

Иногда он срывался. В этих случаях он уезжал – якобы по заданию. На деле же отправлялся на южное побережье Франции, где в небольших спокойных гостиницах никто не мешал ему выпить и провести несколько дней, глядя на успокаивавшее его море.

Там, на юге Франции, он позволял себе всё, в том числе предаться своему любимому пороку – игре в рулетку. «Моя жизнь всё равно как рулетка, – говорил он себе, – так чего уж там...» Всякий раз, несмотря на некоторый риск, он шёл в казино в Монте-Карло. Сам себя он убеждал, что риск приемлем: вероятность встретить в шикарном казино бывших соратников по борьбе была близка к нулю. Уж больно неожиданное место. К тому же в бабочке и фраке он был скорее похож на скучающего скандинава, какого-нибудь датского судовладельца, приехавшего в Монако, чтобы оставить

там часть заработанных капиталов. Это чувство относительной безопасности его и подвело.

Как-то раз, когда он приехал в Монако особенно взвинченным и напряжённым, быстрое расслабление, несколько бокалов виски, светская атмосфера казино и заинтересованно смотревшая на него сорокалетняя блондинка с изумрудами в ушах, сидевшая напротив за рулеточным столом, – всё это сыграло с ним злую шутку. Он отпустил себя, утратил контроль и проигрался в пух и прах. На следующий день он вернулся, чтобы отыгаться, и проигрался снова. Дело приняло опасный оборот.

Служба О'Донована имела одну особенность: деньги на операции он получал непосредственно из офиса премьер-министра. И это были наличные деньги. Только в случае необходимости отчитывался он за них, и только перед советником премьера.

Он взял для себя за правило никогда не залезать в эти средства. Даже в долг. Даже ненадолго. Он считал это своим кодексом чести. Но те две ночи в Монако перечеркнули кодекс. Когда он вернулся в Лондон, в бюджете его спецотдела зияла огромная дыра.

Из мрачного оцепенения О'Донована вывел его помощник. Он сообщил неожиданную новость: на севере Лондона, за заброшенной фабрикой, игравшие на берегу небольшого карьера мальчишки разглядели в воде крышу затопленного автомобиля. Когда его вытащила местная полиция, в нём об-

наружили два трупа. Тогда за дело взялся Скотленд-Ярд.

– Один был застрелен двумя выстрелами из пистолета – в тело и в голову, – рассказывал помощник. – Второй, постарше, был убит сильным ударом или, скорее, броском ножа, который попал ему под левую ключицу. Бросал, видимо, профессионал.

– И зачем ты мне это говоришь? Похоже на обычные бандитские разборки, – недовольно пробурчал О'Донован.

– Дело в том, сэр, что молодой, как выяснилось, был не раз замечен в компании с ирландскими боевиками. Возможно, был их шофёром.

О'Донован насторожился.

– А второй?

– Я иду к этому, сэр. Второй оказался неизвестен полиции. И его отпечатки решили проверить по широкой базе данных...

– И? – поднял брови Джеймс.

– И оказалось, что это Шон МакМастер. Тот самый, который исчез после покушения на Маргарет Тэтчер в Брайтоне.

«Шон?! – пронеслось в мозгу О'Донована. – Что он делал в Лондоне?! Что могло привести его сюда?»

О'Донован не раз пересекался с МакМастером. Знал его злой, неуступчивый характер. Знал и о том, что после неудачного покушения на премьер-министра его искали повсюду, но так и не нашли. Ходили слухи, что МакМастер спрятался где-то на Ближнем Востоке и тренирует тамош-

них террористов. Позже до О'Донована дошла непроверенная информация, что МакМастер полностью порвал с движением и стал работать только за большие деньги – фактически наёмником. В этом качестве он перестал его интересоваться.

Появление Шона МакМастера в Лондоне таило в себе немалый риск: в конце концов его могли узнать и арестовать за прошлые дела. Значит, здесь замешаны деньги, возможно, большие деньги. Иначе Шон – холодный и рассудительный – не пошёл бы на такой риск.

Внутренний компьютер О'Донована начал быстро перелистывать страницы его личного досье: кто-то должен знать, кто-то наверняка должен знать, говорил себе он. И тут в его памяти отчётливо всплыло полноватое, обманчиво добродушное лицо с острыми, ничего не упускающими колючими глазами. Да. Точно. Он знал, где найти этого человека.

Глава 11. Смерть в лондонском пабе

Бобби МакГи только что уселся с пинтой любимого «Килкенни» за угловой столик в своём излюбленном баре. Обычно, находясь здесь, он испытывал тихое удовольствие от того, что жизнь его сложилась не так плохо, как могла. Для ирландского боевика, несколько раз арестованного британской полицией, он отделался, в общем-то, лёгким испугом. Да, он провёл несколько лет в тюрьме. Но, поскольку его прямое участие в убийствах так и не было доказано, срок ему дали небольшой. С другой стороны, на него ни разу не пало подозрение в предательстве, что было нередко среди ирландских террористов, и с ним не расправились свои же. Напротив, отсидев своё и никого не сдав, он заслужил уважение в организации, но было ясно, что за ним присматривают. Но сам Бобби без заработка сидеть не хотел и нашёл себе другое занятие: он получал и распределял среди недавних боевиков заказы из криминального мира. У него была репутация надёжного человека, и это, а также обширные связи приносили доход.

Но в этот день Бобби не ощущал привычного умиротворения. С утра между ангаров в портовой части города у него состоялась встреча с лондонской русской мафией. Именно эти люди три недели назад «заказали» ему молодую москвичку, которая каким-то невероятным образом похитила алма-

зы на 10 миллионов долларов, принадлежавшие одному криминальному авторитету. Собственно, даже не «заказали», а заплатили за возвращение бриллиантов. Останется ли девица живой или будет убита, их не волновало.

Бобби им объяснил: человек, которому он поручил это дело, бесследно исчез. И вот уже неделю не выходит на связь, а залог он готов вернуть хоть сегодня. Главному из русских это явно не понравилось.

– Залог ты вернуть успеешь, – процедил он. – Ты мне лучше скажи, а твой парень не дал дёру вместе с бриллиантами? И ты с ним, случаем, не в доле?

Лицо старого террориста, обычно спокойное и слегка добродушное, приняло совсем другое выражение, делавшее его похожим на готового вступить в смертельную схватку бульдога. Но свой «Спитфайр» он вынимать не стал. Это привело бы беседу в совсем другое русло.

– Я клиентов не кидаю, – глухо сказал он. – Если не в курсе – наведите справки. Я намерен и дальше жить в Лондоне, а не хорониться, прячась от вас в какой-нибудь дыре, в вонючем азиатском городишке. Мой парень пропал. Пока это всё, что я могу сказать. Узнаю больше – сообщу.

– Узнай побыстрее, – уже более примирительно посоветовал ему русский. – Даём тебе 5 дней, а насчёт дыры в Азии – ты прав. Когда на кону такие деньги, ни одна дыра не спасёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.